

А. С. Мухин, Х. А. Мохамед

Культурологический аспект реставрации объектов художественно-исторического наследия

Авторы статьи рассматривают реставрацию не только как практику воссоздания утраченных элементов памятников культуры, но и как форму культурологической рефлексии. Большое внимание уделено профессиональным качествам реставратора, среди которых анализу подвергается общая культура специалиста, его способность мыслить в поле исторической, культурологической и философской эпистемы. Авторы делают акцент на проблеме выбора при реставрации сильно поврежденных объектов, когда встает вопрос о необходимости макетирования объекта или воссоздания его в современных материалах. Степень аутентичности применяемого материала исследуется как результат отношения к феномену подлинности вещи в контексте исторического дискурса, обусловленного историческим же сознанием современного человека. В статье затрагивается вопрос об изучении истории реставрации как научно-практической сферы деятельности, уделяется внимание различию между научной и любительской реставрацией, приводятся примеры реставрационно-восстановительных работ по воссозданию утрат объектов культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, философия культуры, исторический памятник, реставрация, культурные обычаи и традиции, подлинность произведений культуры

Andrei S. Mukhin, Hassane A. Mohamed

Culturological aspect in restoration of objects of artistic and historical heritage

The authors of the article consider restoration not only as a practice of recreating lost elements of cultural monuments, but also as a form of cultural reflection. Much attention is paid to the professional qualities of the restorer, including the analysis of the General culture of the specialist, his ability to think in the field of historical, cultural and philosophical epistemes. The authors focus on the problem of choice in the restoration of severely damaged objects when the question arises about the need to layout the object or recreate it in modern materials. The degree of authenticity of the material used is studied because of the attitude to the phenomenon of authenticity of a thing in the context of historical discourse, which is determined by the historical consciousness of a modern person. The article addresses the issue of studying the history of restoration as a scientific and practical field of activity, pays attention to the difference between scientific and amateur restoration, and provides examples of restoration work to restore the loss of cultural heritage objects.

Keywords: cultural heritage, philosophy of culture, historical monument, restoration, cultural customs and traditions, authenticity of cultural works

DOI 10.30725/2619-0303-2020-4-64-71

Культурное наследие – это тот капитал, который не имеет ценности и который практически невозможно измерить в координатах социальной, экономической, духовной или какой иной целесообразности. Наравне с природным наследием оно, несомненно, является опорой для национально-этнических рефлексий и признания человечеством того или иного народа как сообщества, вносящего вклад в общую сокровищницу цивилизации [1]. Объекты культурного наследия как памятники истории, объекты недвижимого имущества, предметы материальной культуры представляют ценность с позиции не только истории искусства, архитектуры и градостроительства, но и экономики, а также естественных и точных наук [2]. Наряду с природными богатствами наследие есть главное основание для формирования народного духа и национальной идентичности [3, с. 3], что лежит в исследовательском поле культурологии, фило-

софии и психологии. Наследие испытывает на себе влияние многих социальных процессов и явлений, а также само влияет на духовную атмосферу в обществе. Возникает замкнутый цикл, обратная связь: состояние сохранности объектов наследия зависит от их значения для общества, а значение, в свою очередь, определяется степенью сохранности памятников, их внешней целостностью и привлекательностью. Степень сохранности «контролируется» реставрационным делом как своего рода инструментом общественного влияния на материальный состав вещи. Реставрация является процедурой, в ходе которой словно бы воплощаются в материале как общественные взгляды, так и воззрения специалистов на эстетическое содержание предметов, а также на то, какой вещь должна быть в условиях ее «идеального» материального состояния. Подобные взгляды формируются в социуме и в профессиональной среде благо-

даря историческому сознанию, благодаря философскому осмыслению прошлого и бытования в настоящем его (прошлого) следов (протоколов), памятников наследия.

Философия, кроме всего прочего, есть совокупность взглядов на место в системе ценностей человека тех или иных вещей, того или иного материального состояния этих вещей. В этом смысле современная реставрация обязана своим происхождением философии в не меньшей степени, чем другие научные дисциплины. Общественное отношение к самой реставрации может быть обусловлено вниманием к ней со стороны авторитетных институций, известных ученых, органов государственной власти. Так, например, в восьмидесятые годы прошлого века Советом Министров дважды рассматривался вопрос о реставрации. За последние десять лет не было ни одного обсуждения реставрационных проблем на том политическом уровне, какой имел место в СССР [4], что говорит о снижении внимания к проблемам реставрации, в том числе и по причине умаления ее значения в системе мировоззрения современного человека, часто не видящего разницы между реставрацией и ремонтом, реконструкцией и макетированием в натуральную величину.

Реставрация – это не только огромная теоретическая и практическая отрасль, в которой присутствует целый корпус методических исследований, руководств и предписаний к действию, рецептурных сведений и технико-технологических секретов ремесла, необходимых для восстановления утраченного и сохранения еще существующего наследия, но и совокупность умений понимать и чувствовать художественные, культурные, духовные, иными словами, метафизические различия между физическими объектами разных регионов, направлений и школ, на первый взгляд, лежащими в поле одной традиции. Примером скрупулезного подхода к дискретному выявлению частных отличий в одной общей традиции является научная реставрация, осуществленная в девяностые годы XX в., а именно – работа над фресками Дионисия (около 1502 г.) в Ферапонтовом монастыре Вологодской области. Очевидно, что реставрация древнерусских памятников Севера будет отличаться от реставрации памятников этого же времени, но созданных в центральной России. Это отличие лежит в плоскости культурологического осмысления феноменов древнерусской культуры. Множество памятников русского Севера ждет еще своего часа, нуждается в реставрации, однако при этом важно не потерять понимание северного искусства, умение видеть те тонкие отличия, которые делают эти памятники иными

в сравнении с прочими произведениями искусства из других регионов России. Это особенно важно на фоне печального состояния многих объектов деревянного зодчества, в том числе и в музеях заповедниках [5].

Одной из тем, которая касается культурологических проблем реставрации и связывает объекты исторического прошлого, обнаруженные в ходе раскопок, и реставрационный процесс, является отношение к археологическим руинам. Сохранение археологического наследия на уровне аутентичного состояния находок, только что обнаруженных артефактов, чрезвычайно важно. Традиция подлинности в археологии имеет давние корни. С XVIII в. руины становятся объектом пристального «антикварного» интереса и превращаются в значимый по своей информативности и по своим формальным качествам объект, имеющий собственную ценность, несмотря на утраты и поврежденное состояние. С позиции археологии особую важность приобретает процесс консервации руин (фиксация их материального состояния на момент их обнаружения), определение правовых оснований их охраны, занесение в перечень охраняемых объектов, популяризация археологического наследия, его использование в туристской индустрии. Музеефикация археологических объектов – довольно распространенная мировая практика: подавляющее количество всех древностей, которые сохраняются *in situ*, а также многие недвижимые памятники средневековых культур, – все это, так или иначе, связано с археологическими изысканиями и, кроме того, имеет значительные утраты материала. В музее археологии Москвы, в Царицино, в Зарядье можно увидеть примеры таких работ. Однако часто на местах раскопок, буквально на руинах в процессе реставрационно-реконструкционных процедур создают приукрашенный образ прошлого, имеющий мало общего с исторической достоверностью. Вопрос о неприкосновенности археологических руин требует особой проработки, что позволит более эффективно сохранять этот вид исторического наследия.

Произвольная реставрация без должного понимания тонкой ткани феномена подлинности, отсутствие гуманитарной подготовки у реставратора, которая позволила бы ему осуществлять критический отбор, отделять настоящее от имитации, могут угрожать культурным ценностям, подменяя подлинник весьма условной копией, особенно тогда, когда копия кажется неподготовленному взгляду убедительной. Даже незначительный произвол со стороны реставратора, даже малая доля привнесения каких-либо чужеродных для того или иного исторического времени чужеродных элементов, может изменить

памятник, привнести ненужное новое в его внешний облик. Реставратор несет ответственность за аутентичность вещи при ее восстановлении. Эта ответственность имеет амбивалентный характер: с одной стороны, она обязывает бережно относиться к прошлому, превращая прошлое в предмет аксиологического анализа, наделяя прошлое ценностью; с другой – реставратор становится ответчиком перед будущим, перед теми поколениями, знания которых о прошлом во многом складываются из его работы. Образ вещи, спроецированный в это прошлое, формирует и образ всей исторической эпохи, поэтому, подвергнув материальному искажению вещь в процессе принятия волюнтаристских решений, реставратор вносит искажения и в наше сознание, в наше понимание различных периодов и эпох. Это очевидно, тем более что прошлое как таковое не существует. Оно не существует в формате физической субстанции, и есть лишь порядок процессов, совокупность последовательностей в бесчисленном множестве взаимоотношений вещей. Вещь из прошлого – это его протокол, свидетельство, которое материализует историю в глазах носителя исторического сознания. Отсюда проистекает важность сохранения материальной достоверности вещи, поскольку новый (привнесенный) материал – это свидетельство «присутствия» в прошлом настоящего, что по определению лишает такое прошлое ценности.

Следовательно, необходимо не только владеть совокупностью компетенций в области технико-технологических секретов реставраторского мастерства, но и обладать «метафизической» чуткостью, пониманием того, насколько уместно вторжение в реставрируемую вещь, насколько далеко может увести процесс восстановления того или иного объекта, когда его внешнему виду желают придать целостность и «новизну». Задача осуществления правильного выбора между эстетическими свойствами отреставрированного предмета, его внешней привлекательностью и исторической правдой лежит не только в поле гуманитарного знания, истории, культурологии, философии, но и в сфере психологии, если так можно выразиться, «психологии реставрации». Объекты культурного наследия нуждаются в защите не только от непрофессионального вмешательства при их «починке» или поновлении, но и от субъективного взгляда реставратора на сам процесс реставрации и на такие элементы памятника, какие реставратор собирает подвергнуть восстановлению. Реставрационный волюнтаризм не менее пагубен, чем враждебные природно-климатические воздействия и социальные факторы [6]. Иными словами – работа реставратора может рассматриваться как коллективный труд и

постоянный поиск компромиссов с учетом мнения специалистов из разных областей изучения культурного наследия.

Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью иметь среди компетенций реставратора более широкую общую культуру, способности философски мыслить, видеть особенности развития различных форм культуры той или иной цивилизации и глубину культурологических проблем. Всем, кто принимает решения в области сохранения наследия, будет полезным умение теоретически осмыслить ряд вопросов, выходящих за пределы ремесленных навыков реставратора. Специалист должен обдумывать возможные последствия вторжения в живую ткань памятника, при котором технико-технологические процессы, позволяющие сохранить шедевр и передать его будущим поколениям, изменяют его подлинность [7]. Сохранение памятников старины в первую очередь организовано ввиду духовных потребностей человека [8, с. 62], хотя многие исследования продемонстрировали и экономическую выгоду, обусловленную охраной наследия. Здесь имеется определенное противоречие. Коммерческие бонусы, «рыночная» привлекательность вещи в условиях общества потребления диктуют некий «стандарт» внешнего (видимого) качества выполненных работ, которые могут убедить невзыскательного зрителя в том, что этот стандарт и есть настоящая ценность вещи. При стремлении к максимально достоверному, с исторической точки зрения и с позиции желания сохранить аутентичность памятника, такое достижение внешнего лоска предмета (музейного предмета) бывает трудно осуществимо, а, следовательно, остается под вопросом привлекательность объекта в условиях индустрии досуга или индустрии туризма. Баланс между одним и другим можно сохранить только при наличии определенных компетенций реставратора, его вовлеченности в культурологическую проблематику, в том числе и в условиях получения реставратором специального гуманитарного образования в области культуры, ее истории, теории, философии.

В современной российской реставрации мы сталкиваемся с ситуациями, которые не могли быть предвидены каких-нибудь двадцать лет назад. Например, с передачей религиозным организациям (в том числе и Русской патриархальной церкви Московского патриархата) движимых и недвижимых памятников большой культурной ценности. При этом на первый план выходят аспекты церковно-исторического понимания ценности вещи в контексте богослужения и зачастую наивное представление о восполнении утрат, поновлении, режиме хранения порой

очень хрупких вещей. Нередки случаи произвольной «реставрации», исполненной людьми очень далекими от научной работы и представлений об охране памятников. Также вызывает большую тревогу снижение качества выполненных работ, что напрямую связано с уровнем профессиональной подготовки работающих на том или ином объекте людей. Некачественно, с точки зрения научного подхода, сделанная реставрация буквально преображает памятник, а зачастую изменяет его до неузнаваемости, придавая ему никогда не существовавший облик [9].

Обратим внимание на еще один важный вопрос. Реставрация обусловлена некоей «нормальной» ситуацией, при которой само собой разумеющейся будет считаться необходимость сохранения прошлого, т. е. некоего неизменного (кажущегося неизменным) состояния вещи, словно намертво застывшей во времени. Но эта, воспринимаемая в условиях исторического сознания, ценящего прошлое, ситуация противоречит естественному ходу развития жизни, бытия, которое вечно меняется, по мысли Гераклита, постоянно течет. В контексте этих перемен на место старого приходит новое. Новое, или постоянное обновление каких-либо данностей, объектов, ситуаций, процессов, идей свойственно человеку и отражено в его мышлении. В самой природе утраты и разрушения – следствие неизбежности, проявление второго закона термодинамики, детерминирующего повышение уровня энтропии. Для человеческого сознания естественно упоение новым (целым), неповрежденным, неразрушенным. Это и ведет в различных сферах человеческой деятельности к постулированию эстетического «глянца», что само по себе является интересным культурологическим феноменом. Дуализм мышления, в котором переплелись ценность «неизменного» прошлого и желание сохранить это прошлое в новом, репрезентативном, виде нашел отражение в одновременном существовании традиционалистского подхода и стремления к новаторству, к применению новых материалов и технологий в реставрации. В отечественной реставрации две эти тенденции стали размежевываться во второе десятилетие XX столетия. Если в первой половине XX в. еще сохранялись сильные позиции традиционализма, то во второй половине века намечается вектор на его частичное отрицание и модернизацию подходов. Этот обозначившийся разрыв между традицией и новациями в методологии реставрации и переоценки старого не только стимулируют поиск новых решений при реставрации тех или иных шедевров, но и позволяют сформироваться культурологическому отношению к во-

просам сохранения наследия. На практике это вылилось в реставрацию древних памятников по «усеченному» сценарию, когда уделялось большое внимание восстановлению отдельных фрагментов, а хоть сколько-нибудь уцелевшее не подвергалось воздействию со стороны реставраторов. Вместе с тем сравнительно поздние объекты испытали на себе более целостную (полную) реставрацию. Развитие современных строительных технологий и конструкций, поиск разнообразных химических составов для получения новых веществ позволяют воспроизвести практически любой материал, деталь, изображение или фактуру, и это может привести к обесцениванию исторически сохранившейся достоверности, овеച്ചественной в руинах или археологических находках. В таком контексте прошлое и настоящее сплетаются в буквальном смысле этого слова в одной конкретной вещи, в одном каком-то произведении [10].

Концепция профессии реставратора, принятая в наши дни на уровне различных правовых документов в масштабе мировой практики, отличается от старых представлений о реставраторе как волшебнике, возвращающем жизнь поврежденным шедеврам благодаря «тайным знаниям» вопреки времени и катастрофическим разрушениям. Этот образ уходит в прошлое. На смену ему пришло новое виденье компетенций реставратора, чья миссия, согласно профессиональному кодексу Европейской конфедерации организаций реставраторов (Е.С.С.О.), состоит в сохранении объектов культурного наследия в таких их свойствах, которые соответствуют эстетической выразительности, историческому правдоподобию, физической целостности ради нынешних и грядущих поколений. Реставратор, строго говоря, не является художником или мастером художественного ремесла, т. е. не является носителем творческой фантазии как культурного и психологического феномена, не является субъектом креативной воли. В то время как художник или ремесленник порождают новые объекты, реставратор занят спасением «старых вещей».

Успех реставратора во многом зависит от знания самой истории реставрации, которая позволяет не только понять суть профессии, но и составить верное представление об особенностях того или иного памятника, оценить его историко-художественное значение за счет, в том числе и тех изменений, которые привнесли в него другие реставраторы в прошлом. Так, например, подмешивание в пигмент сажи газовой для придания краскам «налета» старины, «духа» времени, что применялось в середине XX столетия, сейчас рассматривается как довольно спорная стилизация. Вместе с тем сложно судить о правильности применения тех

или иных технико-технологических приемов и «секретов» в относительно недалеком прошлом реставрации, поскольку на материал, привнесённый в процессе работы в состав памятника, может повлиять за прошедшие десятилетия само время, физические и химические процессы, которые, безусловно, скажутся на состоянии используемого при реставрации материала. Лишь учитывая все это, можно дать справедливую оценку работе предшественников или убедительно аргументировать несогласие с их позицией и отстоять собственную реставрационную концепцию по отношению к тому или иному произведению культуры.

Реставрация, подобно любому виду человеческой деятельности, имеет свое историческое развитие, отмеченное как наивным желанием «отремонтировать» памятник, так и движением в сторону скрупулезной и объективной научной работы. Древнейший опыт реставрации шедевров архитектуры известен еще с Античности. В XVII–XIX вв. восстановление объекта сводилось к ремонту или «поновлению». В эпоху Просвещения идея сохранения духовных и материальных ценностей человечества нашла оформление и поддержку в интеллектуальных кругах Европы. Примерно с этого времени в реставрации начинают формироваться два основных русла – художественный и технический (или механический) принцип, сохранившие актуальность и в наши дни. Художественное направление в реставрации имеет устойчивую генетическую связь с искусством, поскольку восполнением повреждений, как уже было отмечено, занимались издавна, а восстановление того или иного произведения возлагалось на художников или мастеров художественных ремесел. Начиная с XIX в. специалисты старались не изменять оригинальные фрагменты, примером чего может служить блестящая реставрация А. Сидоровым картины «Лука, рисующий Мадонну» Рогира ван дер Вейдена, когда в 1884 г. две половины одной общей основы были соединены без привнесения новых живописных деталей, но с бережной тонировкой соединительного шва. Шедевр нидерландского мастера получил почти первозданный вид, несмотря на реставрационные приставки и утраченную верхнюю часть. Техническая реставрация потеснила художественную именно в том, что касается «консервации» произведения, позволяющей продлить срок его жизни. С XIX в. техническая реставрация обретает ранг научно-позитивистского базиса всей реставрационной практики.

На теорию и практику реставрации каменных зданий большое влияние оказали работы по восстановлению Парфенона, Эрехтейона и Пропилей Афинского акрополя, осуществлен-

ные греческим архитектором Н. Балансоном в 1898–1917 гг. Не меньшее значение для истории реставрации имеют труды К. Бойто и Г. Джованнони в Италии, Ш. Бюльса в Бельгии, Л. Клоке и П. Леона во Франции, М. Дворжака и А. Ригля в Австрии, К. Гурлитта и Г. Хагера в Германии и др. [9]. Хотя первые исследования по истории реставрации относятся к 1930–1940-х гг., в наши дни актуальность изучения прошлого реставрации сохраняется, а изыскания в этой области получают все более систематический характер. Интерес к истории реставрации, проснувшийся в 1960–1970-х гг., был вызван задачей определения общих (базовых) принципов (лежащих в области методологии), характерных для 1920–1930-х гг. и утраченных в середине XX в. Упразднение в 1934 г. Центральными государственными реставрационными мастерскими, осуществлявших с 1924 г. методический контроль реставрационной практики, способствовало большой самостоятельности местных реставрационных организаций и многообразию различных подходов, часто не имеющих под собой научной базы в осмыслении стратегий и тактик при реставрации памятников культуры и искусства [11, с. 3]. Положение усугубилось после Великой Отечественной войны, когда для восстановления колоссальных разрушений к работам были подключены разнообразные по степени своей подготовки кадры. «Переоценка реставрационной деятельности предыдущего периода и отсутствие твердых теоретических установок и методики в отношении восстановления утраченных частей памятников создали кризисную ситуацию», – отмечал Н. В. Перцев, характеризующий период 1940–1950-х гг. [11, с. 3].

Несмотря на сложности и даже драматический ход развития событий в области охраны памятников культуры, ошибки и промахи при реставрации тех или иных объектов, история реставрации в России отмечена огромными достижениями, постепенно приведшими к сложению научной школы реставрации, одной из самых лучших в мире. На ранние шаги отечественной реставрации благотворное влияние оказала Археологическая комиссия Русского археологического общества. Уже в начале XX столетия специалисты стараются подходить комплексно к спасению шедевров, сохраняя разные временные слои в многомерном историческом контексте: П. П. Покрышкин при работе над церковью Спаса на Берестове в Киеве (1903–1904 гг.) выявил фрагменты XI–XII вв., раскрыв их от наслоений, но сохранил колокольню XIX в., апсиды и главы XVII в. Этот опыт, наряду со многими другими, например, с реставрацией в 1908–1912 гг. церкви Василия в Овруче по проекту А. В. Шу-

сева, привел к накоплению систематических инженерно-технических знаний на рубеже XIX и XX вв. в реставрации каменных построек на уровне научной теории [9].

К началу 1970-х гг., когда дискуссии о проблеме подлинности культурно-исторических объектов, имевшие место в мировом профессиональном реставрационном сообществе достигли пика, ЮНЕСКО приняла международную Конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия, которая была ратифицирована СССР в 1988 г. [9].

В основе данного документа лежит идея того, что «памятник – это научный документ, исторический источник, монументальное произведение, несущее духовные послания прошлого, которые остаются в современной жизни людей свидетелями вековых традиций. Человечество с каждым днем все более осознает общечеловеческую ценность памятников, рассматривает их как общее наследие и перед лицом будущих поколений признает совместную ответственность за его сохранность. Оно считает себя обязанным передать памятники во всем богатстве их подлинности». Отсюда вытекает понимание памятника в качестве документа и, соответственно, текста, требующего прочтения на уровне структуралистских исследований культурных феноменов прошлого. Следовательно, реставрационный процесс может рассматриваться не только как чтение этого текста, но и выявление его гипертекстуальных связей с остальными феноменами культуры той или иной эпохи. Реставратор становится дешифратором историко-культурных кодов документа, применяя при этом свою собственную методологию и все богатство современного технико-технологического арсенала. Это в какой-то степени роднит реставратора с археологом, последовательно вскрывающим слой за слоем и изучающим их глубинную историко-культурную взаимосвязь. Такое сравнение тем более интересно, что сама научная реставрация во много вышла из археологической науки. Несмотря на то, что истории реставрации посвящено немало фундаментальных работ – труды И. П. Горина, А. Б. Алешина, Ю. Г. Боброва, книга О. В. Яхонта и обзорная статья М. Н. Лебель, изучению теории и практики реставрации, развивавшихся в сфере археологической науки, уделяется недостаточно внимания [11, с. 3]. Однако археология в XIX – начале XX столетия охватывала многие области реставрации и охраны памятников в дореволюционной России. «Археологические концепции теории и практики реставрации несли в себе рациональные начала, которые легли в основу советской научной реставрации

и сохраняют свою актуальность в настоящее время» [11, с. 4].

Родство археологии и реставрации (особенно в области архитектуры) дало начало принципу так называемой стилистической реставрации, когда памятник «рассматривается по состоянию на определенный период времени, и ему возвращаются те формы, которые, с точки зрения архитектора или реставратора, считаются наиболее ценными». Некоторые специалисты допускают стилистическую реставрацию применительно к рядовым объектам, не имеющим особой историко-художественной значимости, но сохранение внешнего облика которых необходимо для создания общего контекста, например, в условиях градостроительной среды или археологического заповедника. В таком случае восстанавливается общая архитектурная композиция, а утраченные детали разрабатываются в соответствии с художественными особенностями стиля эпохи [9].

Принцип стилистической реставрации имел место и в Советском Союзе. Отчасти это была вынужденная мера, вызванная потребностью восстановления большого количества памятников, разрушенных в годы Великой Отечественной войны [9]. На современном этапе стилизация является крайней мерой, когда исчерпаны все возможности спасения подлинной вещественности памятника архитектуры. Гибель памятника культуры и старины нужно признать невозможной потерей, которую нельзя компенсировать никаким точным воссозданием, в том числе детальным и научным, в том числе и с привлечением компьютерных технологий при создании виртуальных реконструкций [12, с. 51].

Даже самый тщательно выполненный макет в натуральную величину, как, например, стоя Аттала в Афинах, не сможет восполнить утрату подлинного объекта. Зрелищный, выразительный, аттрактивный и коммерчески привлекательный с позиции туристской индустрии объект, созданный в ходе пусть и научной реконструкции, является не более чем иллюстрацией утраченного памятника, иллюстрацией зачастую гипотетической.

К сожалению, за последние десятилетия тенденция строительства макетов исторических зданий в натуральную величину только усиливается. При выполнении работ подрядчик произвольно выбирает материал и методы его обработки. Если сам материал близок к аутентичному, его обработка выполняется на современном оборудовании, которое придает деталям излишнюю, неестественную для исторических зданий аккуратность. Так, например, при восстановлении каменного толоса в Эпидавре мрамор нарезался

циркулярной пилой, а проточка и профили доводились до нужных конфигураций и размеров с помощью шлиф-машины. В результате «античный» храм приобрел черты конвейерной вещи, объекта, будто бы собранного в условиях индустриального производства из деталей высокой степени стандартизации. Местные сорта мрамора при этом ни в коей мере не усиливали ощущение исторической достоверности, поскольку были еще лишены следов загрязнения атмосферными осадками и другими мелкими фракциями, которые обычно изменяют цвет природного камня. Однако массовая аудитория, потребитель культурного наследия, прежде всего турист, воспринимает такие реконструкции благосклонно. Они дают ему: 1) наглядность образа, зритель понимает, что именно он видит, без необходимости производить умственную работу, усложненную недостатком визуальной информации при наблюдении одного лишь фундамента или археологического артефакта; 2) онтологическую опору для фактуры личной биографии, поскольку идентификация вещи усиливает достоверность свершившегося события, посещения памятника/достопримечательности; 3) уверенность в том, что акт потребления осуществлен в полной мере, идентифицированный объект словно оправдывает денежные траты на его осмотр.

Коммерческая выгода от реконструкции исторических зданий обусловила фасадный метод, так называемый фасадизм [13, с. 55], при сохранении внешнего облика исторической постройки, но изменено облика, а не ее материальной сути. Этот метод реализуется двумя возможными путями: спасение от утраты подлинного фасада (только фасада) с полным изменением внутренних конструкций и объемно-пространственного решения здания, и возведение имитации фасада в подлинных (а порой и без них) пропорциях и деталях, но в принципиально ином материале и с использованием новейших технологий. Так были перестроены два здания на углу Литейного проспекта и ул. Чайковского в Санкт-Петербурге, отведенные новым владельцем под гостиничный комплекс «София-Рэдиссон». Один из домов сохранил свой фасад, другой полностью его утратил, но обрел новую стену, имитирующую подлинник. При этом были сильно искажены пропорции и нарушена логика использования архитектурных форм в общей композиции построек – к имеющимся этажам пристроены два антресольных, закрывших, кроме прочего, купол эркера. Эркер, покрытый куполом, оказался ниже антресолей, и купол потерял в таком варианте свой архитектурно-художественный смысл. Флюгер на куполе и вовсе ока-

зался не нужен, поскольку примерно половина окружности розы ветров ныне закрыта стеной дополнительных этажей.

В ряде случаев макетирование обусловлено политическими интенциями или социальными чаяниями того или иного сообщества. Не исключаются иррациональные мотивы, когда на восстановление памятника подталкивают обстоятельства, связанные с необходимостью усилить положительные характеристики имиджа значимой публичной персоны или представления о метафизическом воздаянии (добрая память потомков, сопричастность великой идее и т. п.). В качестве примера можно привести практически полностью разрушенную во время Великой Отечественной войны церковь Успения на Волотовом поле (Новгород), реконструкция которой с привнесением современного материала стала воссозданием внешнего облика, но не самого объекта. Это же касается храма Христа-Спасителя в Москве (использование полимеров при изготовлении скульптуры, новые росписи, выполненные выпускниками академических вузов СПбГИЖСА им. И. Е. Репина и МГАХИ им. В. И. Сурикова под руководством ведущих художников РАХ), Успенский собор в Ярославле, воссозданный к 2010 г. (1000-летию города), колокольня которого так и не получила реализации из-за споров со спонсором, желавшим придать ей непомерную высоту. В этой связи стоит напомнить появившиеся и широко рекламируемые ныне предложения построить никогда не существовавшую, но имевшую место только в проекте колокольню Смольного монастыря в Санкт-Петербурге.

Тенденция рассматривать проблемы истории реставрации в свете формирования ее научных основ и принципов стала набирать особую силу в современной науке. Следует отметить, что на сегодняшний день в научной литературе нет корректных, детально разработанных и объективных дефиниций «реставрация» и «научная реставрация», особенно на фоне их различий. Эти понятия зачастую воспроизводятся в качестве синонимов. В настоящее время широкое распространение получило представление о научном характере современной реставрации по причине того, что ее технические операции осуществляются с учетом историко-искусствоведческих сведений и технико-технологических достижений в области физики, химии и приборостроения. Поэтому формирование научной реставрации обычно рассматривается как позитивное все более усложняющееся развитие в рамках ремонтно-восстановительных работ или как ремонтно-восстановительные работы некоей «высшей пробы», осененные авторитетом научного знания в сфере гуманитарных и есте-

ственных наук, но с учетом «обслуживающей функции реставрации» [14, с. 321]. Определение всей полноты особенностей научной реставрации, а также всех возможных компетенций или профессиональных качеств реставратора заслуживает дальнейших разработок в контексте изучения реставрации как культурного феномена.

Список литературы

1. Дятчина Е. А., Птухина И. С. Сохранение памятников культурного наследия // *Строительство уникальных зданий и сооружений*. 2017. № 4 (55). С. 94–114.
2. Palla F., Barresi G. *Biotechnology and Conservation of Cultural Heritage*. Cham: Springer Intern. Publ., Switzerland, 2017. 110 p.
3. Никифорова А. А. Памятники природно-культурного наследия в регионах ресурсного типа: особенности охраны. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. 127 с.
4. Свичкарь И. Концепция сохранения историко-культурного наследия // *International Journal of Russian Studies*. 2017. № 6/2. С. 168–174.
5. Виноградова Ю. Как помочь памятникам деревянного зодчества Русского Севера // *The art newspaper Russia*. 2018. 13 авг. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/5955/> (дата обращения: 13.11.2020).
6. Watt J., Tidblad J., Hamilton R., Kucera V. The effects of air pollution on cultural heritage. New York: Springer US, 2009. 312 p.
7. Restoration guide for historic masonry buildings on the trail of tears national historic trail / Nat. Park Service, Trail of Tears Nat. Historic Trail, MTSU Center for Historic Preservation. 2016. 20 p. URL: <https://www.nps.gov/trte/learn/historyculture/upload/Restoration-Guide-for-Historic-Masonry-Buildings-508.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).
8. Драчева Е. Л. Проблемы сохранения объектов культурного наследия ЮНЕСКО в России и за рубежом // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2016. Т. 3, № 2. С. 61–74.
9. Чернышева Е. К. Научные и методологические проблемы реставрации: этические аспекты проф. отношений // ООО «Межрегионреставрация»: реставрация памятников архитектур. наследия. М., 2015. URL: <https://mrr2003.ru/stati/item/105-nauchnye-i-metodologicheskie-problemy-restavratsii-eticheskie-aspekty-professionalnykh-otnoshenij.html> (дата обращения: 13.11.2020).
10. Frank-Kamenetskaya O. V., Vlasov D. Yu., Rytikova V. V. *The Effect of the environment on Saint Petersburg's Cultural Heritage*. Cham: Springer Intern. Publ., Switzerland, 2019. 193 p.
11. Зверев В. В. Формирование теории и практики охраны и реставрации художественных памятников в дореволюционной России: дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 1984. 172 с.
12. Никонова А. А. Визуальные технологии и сохранение культурного наследия России // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 1 (18). С. 49–53.
13. Садовникова Н. В. Взаимосвязь приспособления и методов и приемов реставрации на примере Федоровского городка // *ACADEMIA. Архитектура и Строительство*. 2018. № 2. С. 50–56.

14. Москвина И. К. Современные концепции реставрации в культурологическом дискурсе // *Культура и цивилизация*. 2016. Т. 6, № 5А. С. 317–324.

References

1. Dyatchina E. A., Ptukhina I. S. Preservation of cultural heritage sites. Construction of unique buildings and structures. 2017. 4 (55), 94–114 (in Russ.).
2. Palla F., Barresi G. *Biotechnology and Conservation of Cultural Heritage*. Cham: Springer Intern. publ., 2017. 110.
3. Nikiforova A. A. Monuments of natural and cultural heritage in the resource type regions protection features. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Univ., 2013. 127 (in Russ.).
4. Svichkar' I. The concept of preservation of historical and cultural heritage. *International Journal of Russian Studies*. 2017. 6/2, 168–174 (in Russ.).
5. Vinogradova Yu. How to help the monuments of wooden architecture of the Russian North. *The art newspaper Russia*. 2018. Aug. 13. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/5955/> (accessed: Nov.13.2020) (in Russ.).
6. Watt J., Tidblad J., Hamilton R., Kucera V. The effects of air pollution on cultural heritage. New York: Springer US, 2009. 312.
7. Restoration guide for historic masonry buildings on the trail of tears national historic trail / Nat. Park Service, Trail of Tears Nat. Historic Trail, MTSU Center for Historic Preservation. 2016. 20. URL: <https://www.nps.gov/trte/learn/historyculture/upload/Restoration-Guide-for-Historic-Masonry-Buildings-508.pdf> (accessed: Nov.13.2020).
8. Dracheva E. L. Problems of preservation of the UNESCO cultural heritage in Russia and abroad. *Russian regions: a look into the future*. 2016. 3 (2), 61–74 (in Russ.).
9. Chernysheva E. K. Scientific and methodological problems of restoration: ethical aspects of professional relations. *Mezhregionrestavratsiya: restoration of monuments of architectural heritage*. Moscow, 2015. URL: <https://mrr2003.ru/stati/item/105-nauchnye-i-metodologicheskie-problemy-restavratsii-eticheskie-aspekty-professionalnykh-otnoshenij.html> (accessed: Nov.13.2020) (in Russ.).
10. Frank-Kamenetskaya O. V., Vlasov D. Yu., Rytikova V. V. *The Effect of the environment on Saint Petersburg's Cultural Heritage*. Cham: Springer Intern. Publ., Switzerland, 2019. 193.
11. Zverev V. V. Formation of the theory and practice of protection and restoration of art monuments in pre-revolutionary Russia: dis. on competition of sci. degree PhD in art history. Moscow, 1984. 172.
12. Nikonova A. A. Visual technologies and preservation of the cultural heritage of Russia. *Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture and Arts*. 2014. 1 (18), 49–53 (in Russ.).
13. Sadovnikova N. V. Interrelation of adaptation and restoration methods and techniques on the example of Fedorovsky Gorodok. *ACADEMIA. Architecture and Construction*. 2018. 2, 50–56 (in Russ.).
14. Moskвина I. K. Modern concepts of restoration in a culturological discourse. *Culture and Civilization*. 2016. 6 (5A), 317–324 (in Russ.).